

ПУТЬ-ДОРОГА

11.04.2018

Биробиджанер Штерн

Берег у озера Байкал ст. Листвяничной

Писатель Шмуэль (Самуил) Гордон (1909 – 1999 гг.), живший на Украине, впервые побывал в нашей области еще в 30-х и в 1937 году издал повесть «Биробиджанские дети», а посетив ЕАО уже после войны, написал ряд очерков, вошедших в сборник «Биробиджанер тойшвим» («Биробиджанские старожилы»).

Как бы то ни было, С. Гордон в числе многих евреев – собратьев по литературному ремеслу – в свое время не избежал ареста и «посадки». Отбыв в лагерях почти семь лет, С. Гордон (кстати сказать, ветеран Великой Отечественной) был реабилитирован и снова вернулся в литературу. Пишуший по призванию не может не писать по определению. Ну а что касается «биробиджанской темы» в творчестве писателя, то ни его «Дети», ни «Старожилы» на русский язык не переводились. Видно, не сильно интересовала названная тема русскоязычного читателя. В Центральной России и даже в Москве для многих и до сего дня наш Биробиджан – это «где-то на юге». Ну вот есть же на том юге Андикан, Азербайджан или Абиджан. Ниже предлагаем нашему читателю очерк Самуила Вульфовича Гордона, открывший сборник «Биробиджанские старожилы». ...

Перевод с идиша Валерия Фоменко

ПУТЬ-ДОРОГА

Далеко, очень далеко от Москвы до Биробиджана, еще дальше до него от Винницы, Тирасполя и Умани... Сколько уж городов мы еще до Урала увидели, сколько станций проехали, но сегодня,

как и вчера, за окнами вагона все Сибирь и Сибирь, хотя находимся мы еще по эту сторону Байкала. Кажется, что наше путешествие и не закончится никогда – такая даль! А что такое десять суток кряду просидеть в вагоне, если вас уже через двое-трое суток пути начинает одолевать скука, а часы тянутся и тянутся, как те рельсы, которым ни начала, ни конца?..

На календаре – конец мая, и в это время в пробудившейся природе воцаряется особенная красота. К тому же вокруг горы и долины, леса и луга, реки и ручьи... Но, честно говоря, и от великолепия неостановимо меняющихся панорам земли вы начинаете уставать, а сердце ваше томится ожиданием конца пути.

Хорошо тому, кто отправился в дальнюю эту дорогу не один, а с семьей или в компании друзей, знакомых и просто земляков. С попутчиками и ехать всегда легче. Пусть даже далеко. Причем в окружении близких людей вам как будто не так уж и важно, в поезде вы или нет, едет тот поезд или стоит.

Я откровенно завидую пассажирам из восьмого вагона. Там едут в Биробиджан несколько еврейских семей из Умани. Всю дорогу они что-нибудь да обсуждают, и им таки всегда есть что обсуждать. Им, как мне кажется, хватило бы разговоров на тысячу и еще одну ночь. Понять это легко. Разве обитатели восьмого вагона не были живыми свидетелями первых дней войны? И разве им не довелось пережить спешную эвакуацию и устраивать жизнь на новом месте в самые тяжкие годы той войны? Ну и как можно умолчать о возвращении уманцев из неблизких краев в родной город? А здесь и теперь все они снова в дороге... Ну и подумайте сами: легко ли это – оставлять одно обжитое место и ехать куда-то обживать новое? Ведь даже птицы тоскуют по своим гнездам...

Представьте себе: живет и живет себе человек на одном месте, под крышей родительского дома живет, он ежедневно ходит по знакомым ему с самого раннего детства улицам и переулкам, встречает давным-давно известных ему соседей. Как говорится, ты знаешь всех, тебя знают все. Даже ночные звезды в небе и те кажутся тебе неотъемлемой принадлежностью твоего родного городка. И вдруг, рас прощавшись со всем этим вкупе с самой светлой порою жизни своей, ты оставляешь в безвозвратном прошлом и отчий дом, и милый край, чтобы ехать в дальние дали строить для себя новую жизнь. При этом пассажиры из восьмого вагона уже по собственному опыту знают, что в месте, где таки закончится теперешняя их дорога, не ждут их ни длинные рубли, ни калачи, растущие на березах. Нет и нет! Вполне может статься, что там, в неведомых им краях, жизнь новоприбывших будет еще труднее, чем на израненной и обезображеной войной земле, откуда они едут. Да ведь и не бывает так, чтобы хоть где-то пустовали теплые и уютные дома или не были заняты все места за богато накрытым столом...

По шесть-семь человек было в еврейских семьях до войны – хорошо, если в ее огне удалось выжить кому-то одному из таких семей. По две-три тысячи семей проживало в типичных еврейских местечках-штетлах – теперь, после войны, в них добро, если наберется пятьдесят-сто.

Реки стремятся к морю... Чем гуще корни дерева, тем крепче древесный ствол... Чем больше людей поселяются в одном месте, тем легче жизнь... Что касается Еврейской автономной области, то о ней заботится вся страна... Вот обо всем этом на разные лады и толкуют между собой переселенцы из восьмого вагона. Ну а кто из нас не мечтает или, по крайней мере, просто не думает о будущем? И кто из нас – пусть в глубине души – не надеется, что завтрашний день будет лучше вчерашних?

Нет, что там ни говори (повторю), а тот, кто отправляется в дальнюю дорогу не один, а с семьей или в компании друзей, знакомых и земляков, чувствует себя куда лучше путешествующего в одиночку. Кроме всего прочего, восьмому вагону повезло и с чрезвычайно общительным кондуктором, который не дает заскучать своим пассажирам и который, объездив чуть ли не полстраны, считает себя большим знатоком Биробиджана. Сам этот человек не раз в нем бывал и при желании может рассказать об этом городе во всех подробностях. Еще бы! Ведь не только сам он, но и дед его, и прадед – старожилы мест, куда направляются заинтересованные слушатели проводника.

Как только мы въехали на территорию Сибири, этот бывалый путешественник, вплотную подойдя к вагонному окну, начал комментировать:

– Видите вон ту гору? Это сопка. Ну а сейчас мы подъезжаем к краю леса. Но здесь это не лес, а, запомните, тай-га.

Сгостились в небе тучи – тут же следует разъяснение:

– Видать, скоро дождь польет. Ну а в вашем Биробиджане от такого дождя точно будет целый потоп...

Залетел как-то в вагон овод, проводник его тут же «представляет»: «Это паут. А еще у вас там будут слепни, комары и мошка...»

«Биробиджанские» слова «сопка», «тайга», «паут», «корчевать» стали в последние два десятка лет в языке идиш как бы своими, однако понятия, которые стоят за ними, где-нибудь в старом еврейском местечке, наверное, поставили бы в один ряд с такими, как «дракон», «крылатый змей» или «водяной» – словечками, знакомыми нам с детских лет, но от этого вовсе не обозначающими нечто вполне понятное. Так, почти экзотическое «сопка» воспринималось нами как слово, обозначающее высокую гору, по которой бродят тигры и леопарды; «тайга» рисовалась как дикие лесные заросли вроде джунглей; «паут» – как неистребимая напасть гигантских мух величиной никак не меньше медведей, а обычный дождь в Биробиджане представлялся не иначе как тот библейский ливень, не прекращавшийся сорок дней и сорок ночей. И хотя с момента учреждения Еврейской автономии прошел уже не один год, а Биробиджан стал для нас в некотором роде не чужим и в известном смысле даже близким, в сознании уманцев область, куда они едут сейчас, не кажется и, разумеется, никоим образом не может казаться им такой, какой она является в действительности.

Долго ли, коротко ли, но в один прекрасный день, подойдя к вагонному окну со стороны перрона, некоторые из пассажиров восьмого отчетливо услышали, как там, на перроне, несколько человек громко разговаривают между собой на идише. Так что недавние туманные представления едущих в Биробиджан стали несколько более четкими. Впору было почувствовать себя прямо-таки где-нибудь поблизости от дома и теперь уже никого и ни о чем не расспрашивать: предельно ясно: поезд только что прибыл в Облучье – первую со стороны запада железнодорожную станцию в Еврейской автономной области.

...Тот, кому доводилось в раннем детстве покидать родительский дом, а по прошествии долгих лет вновь ступить на обочину пыльного проселка, ведущего в родной городок, тому хорошо знакомо щемящее чувство, пробуждаемое в душе человека вербами над речкой, в которой ты купался в далекие годы, уложками, по которым ты бегал босоногим мальчишкой-сорванцом, тихими крылечками и затравевшими двориками перед знакомыми тебе домами. И пусть ты ныне житель большого города, где звенят трамваи и носятся троллейбусы, где высятся красивые

многоэтажные дома, зеленеют скверы, лежат асфальтированные площади и улицы, но тебе навсегда остается милым и дорогим и край, и дом, где ты был рожден.

В чем-то похожее теплое чувство возникает у вас и при виде первых домов на земле Еврейской области. По пути сюда мы не однажды видели вокзалы куда больше, чем облученский, однако ж вот и глаз сейчас не можем оторвать от высокого белокаменного здания, что стоит на возвышении словно символ некоего радостного торжества. Даже совсем не частый ночной дождь кажется людям светлым. Впрочем, почему «кажется»? Ряд ярких электрических фонарей- прожекторов, укрепленных под самой крышей вокзального корпуса, освещает и поблескивающую искорками белесую сеточку дождя, и исполненную крупными буквами надпись на фасаде вокзала. Текст надписи извещает – причем на чистом идише! – что находимся мы на станции Облучье. Да, так и написано: комец-алеф – бейс – ламед – вов... ну и далее. Еще каких-то пять часов езды (И каких часов! Последних часов!) – и наши пассажиры из восьмого окажутся «дома». Если точнее – в другом своем доме. Все это остающееся до конца дороги время никто из них не отойдет от вагонного окна, и каждый буквально прощупает глазами все, что можно разглядеть в новом для него «доме» через насквозь мокрый ночной сумрак.

Дождь сопровождает нас от самой Архары, и я, вспомнив свой первый приезд в эти края еще в тридцать шестом, хорошо представляю себе, сколько сейчас грязи на биробиджанских улицах. Из тамошнего вокзальчика в такую темень, пожалуй, и соваться никуда не стоит. Так что придется нам пересидеть в нем до утра, чтобы потом, осторожно ступая по скользкому настилу из досок (то есть тротуару), перебраться в город. Мне подумалось: какая-то странная все же «привычка» у этой области: дождей здесь бывает, возможно, не больше, чем, например, на Украине, но почему-то редко случается так, чтобы Биробиджан не встречал переселенцев дурной погодой.

– Слышали, что тогда в Облучье на перроне кто-то из наших сказал? – ни к кому не обращаясь, произнес один из стоящих у окна. – Как раз про дождь этот. Ничего, пускай, мол, поливает – рasti будем лучше.

...И вот идут уже последние минуты нашего долгого пути. В Москве сейчас – вечер, на часах – половина восьмого. Здесь – половина третьего ночи. Готовый к выходу, я стою в тамбуре у открытой двери. Все медленней и все тише перестук вагонных колес. И вот – ну удивительное же дело! – чуть ли не секунда в секунду вместе с остановкой поезда перестает идти дождь.

Выходим из вагона. Оглядываемся вокруг. И где же тут перрон? И где здесь вокзал? Кругом только рельсы и рельсы. Ну так и где ж вы оказались, все те, кто оставил солнечный город на железной дороге между Киевом и Одессой? Ну и я сам? Когда я приезжал знакомиться с Еврейской областью без малого одиннадцать лет назад, здесь, на биробиджанской станции, вон там, чуть дальше от нас, ну точно же был – пусть и небольшой – вокзальчик, как помню, с двумя фонарями у входа. Уж не сошли ли мы с поезда не в Биробиджане, а где-нибудь поблизости от него? Поворачиваюсь и, высоко подняв голову, замечаю над мокрыми крышами вагонов рассеянное свечение. Свисток – и, ускоряя ход, наш паровоз проносит мимо нас последний вагон. И что же? Прямо перед нами открывается ровная площадка освещенного перрона и широкий фасад вокзального здания – вокзала, подобного тем, которые привычно видеть в больших городах. И два (снова два!) ярких прожектора, укрепленные над входом, но уже под самым козырьком крыши освещают едва ли не метрового «роста» еврейские буквы:

Вы спросите, почему я здесь упомянул о том старом вокзальчике, над дверью в который раньше висела доска с вылинявшей надписью «Ст. Тихоньевская»? Да затем, чтобы объяснить причину

моего минутного замешательства при выходе из вагона. Та «вокзальная» изба с обозначением на ней названия станции стояла слева от железнодорожной линии – слева, если вы едете по ней в восточном направлении. Это во-первых, чтобы вы могли лучше представить себе мое изумление и восхищение, которые я испытал при виде легко взметнувшегося над землей того великолепного здания, увенчанного новым названием железнодорожной станции – названием, по логике и по закону изображенного буквами еврейского алфавита. Возможно, вам также было бы интересно знать, для чего я здесь расписал и пресловутый биробиджанский дождь, а не один из прекрасных солнечных дней, которых летом в этом краю, конечно же, гораздо больше, чем дней ненастных и дождливых. Так вот хочу здесь сказать, что у меня нет никакого желания повторять измышления некоторых местечковых евреев, сочиняющих страшные сказки о Дальнем Востоке и в поисках удачи легко меняющих свои адреса на давно обжитых территориях. Нет, мне хотелось бы поведать здесь о тех, кто, не страшась «ужасов» местной природы, живет в Еврейской автономии почти два десятка лет, кто основал здесь город, кто строил села, поселки, вокзалы. Трудились же эти люди, переживая не только затяжные дожди, но и крутые, с леденящим ветерком, зимние морозы, и присутствие неистребимого таежного гнуса в жаркие летние дни, и коварные разливы шалой Бирзы. А что можно сказать о тех из местных старожилов, которые с помощью топора и лопаты, лома и кайла корчевали здесь пни столетних деревьев, расчищая места для дома, для хлева, для огородов и пашен?..

В просторных и светлых помещениях вокзала и в ресторане под его крышей довольно людно. Это совсем не значит, что присутствующие здесь, в большинстве своем евреи, едут на Запад. Впрочем, кто-то и правда собрался двинуться в том направлении: в расписании значится скорое отправление местного поезда до «пограничного» Облучья. Другие покупают билеты до станций «восточных» и «южных» – Смидовича и Волочаевки, Бирофельда и Унгуна.

По залу ожидания прохаживается немолодая еврейка со строгим лицом, в красной фуражке и того же цвета повязкой на рукаве – дежурная по вокзалу. На широких скамьях вижу некоторых из моих попутчиков и только что встретивших кое-кого из них их родственников и знакомых, которые, насколько я мог заключить по обрывкам разговоров, и вызвали уманцев сюда, на Дальний Восток. Ну и, как кажется, ни один из присутствующих в зале ожидания не говорит вполголоса.